

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2020

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 12 (98). Часть I Том 11 - Общественные трансформации в
меняющемся мире: исторический опыт и современные практики.
2020

«Колониальное наследие» в алжиро-французских отношениях: проклятие прошлого или надежда на будущее?

Сапронова М. А.

*МГИМО Университет МИД России
Российская Федерация, Москва*

Орлов В. В.

*Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

В статье рассматриваются историко-культурные и психологические факторы взаимовлияния и взаимного отталкивания алжирской и французской идентичности (гражданской, культурной, этнической, религиозной), сложившиеся в ходе длительного и неоднозначного по последствиям периода колониального освоения Алжира Францией (1830—1962 гг.). Показаны характерные черты колониальной системы управления Алжиром и ее воздействие на традиционное общество, а также эволюция сущности и внешних форм взаимных претензий арабо-мусульманского населения Алжира и алжиро-европейцев. Исследованы историко-культурные истоки исключительной жестокости, проявленной обеими сторонами в ходе национально-освободительной войны 1954—1962 гг. Особое внимание уделено анализу связанных с колониальной эпохой актуальных проблем франко-алжирских отношений (вопрос о покаянии за преступления колониализма, судьбы бывших колонистов и военнослужащих алжирских вспомогательных войск и др.). Намечено соотношение важности этих проблем в идеологическом пространстве обеих стран, в сфере политической мобилизации и лексиконе официальной риторики Франции и Алжира.

Ключевые слова: этноисторическое самосознание, колониализм, модернизация, культурная самобытность, национализм, алжиро-французские отношения

Дата публикации: 14.12.2020

Ссылка для цитирования:

Орлов В. В. , Сапронова М. А. «Колониальное наследие» в алжиро-французских отношениях: проклятие прошлого или надежда на будущее? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 12 (98). Часть I [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840010457-1-1/> (дата обращения: 14.12.2020). DOI: 10.18254/S207987840010457-1

1 Причины, методы и последствия колониальной политики Франции в Алжире, равно как и перипетии национально-освободительной борьбы алжирцев уже давно нашли широкое освещение в зарубежной¹ (прежде всего французской²) и отечественной литературе – как исторической, так и художественной³. Однако и сегодня, спустя почти шестьдесят лет после освобождения Алжира (1962 г.), трудно назвать их сюжетом, полностью ушедшим в историю. В последние годы в Алжире было опубликовано большое количество монографий, в той или иной степени затрагивающих вопросы национально-освободительной войны алжирского народа, в частности, работы известных историков Б.Стора, А.Бушена, М.Акбала и др⁴.

2 Неоднозначное наследие, оставшееся от 132-летнего колониального прошлого, не только продолжает занимать умы историков, военных, журналистов и писателей Франции и Алжира, но и болезненно проявляется в международных отношениях, дипломатической практике, культурной и внутривосточной жизни обеих стран. ***Специфика колониального управления Алжиром***

3 Франция начала колониальное завоевание Алжира в 1830 г. и продолжала его (с перерывами) до последних десятилетий XIX в. Государственный аппарат османской эпохи завоеватели нейтрализовали быстро. Арабо-берберское население не поддержало янычарскую власть, поскольку она держалась на грубом насилии и служила исключительно собственным интересам. Однако, когда французы распространили свои войсковые операции из приморья в глубь страны, они сразу же встретили ожесточенное сопротивление алжирских племен. Тогда же арабы и берберы Алжира осознали сущность методов французской колонизации, которые по своей жестокости превзошли все то, что «видел Алжир со времен нашествия вандалов на Северную Африку»⁵. По сути, алжирцы столкнулись с двойным ударом по своим традициям и образу жизни: с одной стороны – ударом оккупации с ее убийствами, грабежами и разрушениями, а с другой – потрясением со стороны новых знаний, идей и европейской техники⁶. В итоге сопротивление коренных алжирцев переросло в массовые боевые действия, развивавшиеся более 50 лет в традициях партизанской войны, и во многом одухотворенные исламом – как средством отпора «господству неверных»⁷.

4 Захватив г. Алжир, французское правительство долго не могло сделать окончательный выбор между различными вариантами управления Средним Магрибом. Предлагались, например, установление протектората Франции, возвращение Алжира под власть Османов, превращение его территории в колонию или ее раздел между Бурбонами и турками. Один из вариантов предусматривал даже учреждение в Алжире «Арабской республики» под управлением «великого дивана», 2/3 которого назначались бы французским королем.

5 В дальнейшем взгляды французского правительства на сущность и значение колонизации в Алжире формировались в обстановке острой и динамичной борьбы между военной и гражданской администрацией. Каждый раз, когда «партия военной системы» брала верх, колонизация в Алжире приостанавливалась – и, наоборот, с перевесом «партии

гражданского управления» ускорилось и движение к колонизации. Эта борьба подпитывалась и противоречиями на местах – между интересами колонистов, селившихся на отвоеванных землях, и ценностями офицеров, непосредственно осуществлявших покорение алжирских племен⁸. При этом число иммигрантов неуклонно возрастало, и в последнем десятилетии XIX в. доля европейских поселенцев в населении Алжира стабилизировалась, достигнув 12-13%⁹. Если в 1833 г. их насчитывалось всего 7,8 тыс. человек, то в 1847 г. – 110 тыс. человек, а к середине XX в. европейское население Алжира составляло 1,6 млн. человек. Это притом, что в остальных колониальных владениях Франции тогда проживало около 1,7 млн. европейцев¹⁰.

6 Специфика Алжира, где наряду с большинством местного населения длительно проживало значительное число европейцев, позволила колонизаторам широко использовать лозунг «ассимиляции». Политика ассимиляции последовательно проводилась в Алжире французскими чиновниками во второй половине XIX в. Она означала, прежде всего, ассимиляцию «европейского Алжира», то есть «распространение французских законов только на средоточия европейского населения и исключительно в интересах колонистов»¹¹. В итоге сложилось особое социокультурное самоотождествление европейского меньшинства Алжира. Среди алжиро-европейцев (франко-алжирцев), получивших название «черноногие» или *пье-нуар* (франц. *pieds-noirs*)¹², культивировалась идея их физического и морального превосходства над «дикарями-туземцами», живущими «согласно инстинкту» и воплощавшими «отсутствие культуры и невежество»¹³. Они осознавали себя как «настоящих алжирцев» (в отличие от местных арабов, «место которым – в Аравии»)¹⁴. В то же время в алжиро-европейской среде было принято пренебрежительное отношение и к жителям метрополии, которым приписывали скаредность, вялость и любовь к бесплодным умствованиям. Эти чувства колонисты выражали в арабском словечке *франкави* (араб. франк, француз). Подобная картина мира позволяла алжиро-европейцам рассматривать Алжир как «свою страну», где они живут, трудятся, где сосредоточены их интересы. Она породила среди европейского меньшинства Алжира сепаратистские настроения¹⁵.

7 С первых лет завоевания ключевым проводником французского влияния в Алжире оказались военные органы управления делами «туземцев» (так называемые «Арабские бюро»). При их создании (1833 г.) преследовались не только контрольно-репрессивные, но и гуманитарные цели (борьба с эпидемиями, защита лесов, распространение агротехнических знаний, перевод туземного населения на оседлость и т. д. В 1844 г. генерал-губернатор Алжира маршал Т. Р. Бюжо поставил перед «Арабскими бюро» уже культурно-политическую задачу – приучить алжирцев «сначала поддерживать наше господство, затем привыкнуть к нему, а в дальнейшем отождествить себя с нами, чтобы создать единый народ под отеческой властью короля французов»¹⁶. Французские офицеры и переводчики, работавшие в «Арабских бюро» хорошо говорили по-арабски, знали реалии мусульманского общества и быстро приобрели в местных племенах практически неограниченное влияние.

8 В то же время методы распространения французской власти в Алжире оставили глубокий кровавый след на всей картине франко-алжирских отношений. «К началу 1850-х годов, – писал российский офицер А. Куропаткин, – маршал Бюжо принял особую систему для покорения всех племен, обитавших между занятыми городами в горах и приморскими пунктами. Система состояла из *gazzia* (грабеж), которые производились непрерывно, часто под начальством самого Бюжо. Цель грабежей заключалась в захвате семейств, имущества и запасов непокорных трибю, чтобы этим вынудить их подчинение. Особенно были замечательны два грабежа, произведенные из города Мостагенема. В первом из них французский отряд сжал и увез весь хлеб, засеянный туземцами в окрестностях Маскары, а во второй, генерал Бедо с 4000 человек, сделав ночной марш, неожиданно настиг несколько дуаров (аулов) большого трибю (рода) Борджиа и разграбил их. Арабы со своими семействами

большую часть успели спастись, но их палатки и стада достались в руки французам, общая добыча которых составила 6000 штук скота, в том числе 1300 быков, 150 верблюдов, 300 лошадей и мулов и 800 ослов, нагруженных зерном и домашним скарбом жителей. Наказанное таким образом трибю не замедлило покориться»¹⁷. Другой российский автор М.Н. Богданович также отмечал в своем обзоре алжирской истории, что «вместо того, чтобы действовать на туземцев кроткими мерами, французы поступали с ними по примеру турок, резали головы, истребляли целые племена, без различия возраста и пола и опустошали страну»¹⁸.

9 В 60-х годах XIX в. в Алжире был принят ряд важных мер, направленных на укрепление военного режима и определивших новый юридический и гражданский статус алжирцев. Согласно сенатус-консульту, принятому Сенатом Франции 14 июля 1865 г., «туземцы» провозглашались французскими подданными при сохранении ими особого статуса и подчинении мусульманским законам. Коренные алжирцы получили право занимать гражданские и военные должности, за исключением высших. По личному прошению они могли получить и французское гражданство, но лишь путем натурализации и отказа от статуса мусульман¹⁹. Однако любые попытки республиканцев реформировать гражданский статус коренного населения и создать хотя бы видимость участия мусульман в политической жизни Алжира сразу же сталкивались с ожесточенным противодействием со стороны алжиро-европейцев²⁰.

10 После падения Второй империи во Франции (1870 г.) приоритет военного управления в Алжире был отставлен. Европейцы получили все права французских граждан (включая представительство в парламенте), вводились суды присяжных и другие формы либерального режима, которого алжиро-европейцы давно жаждали. Во главе системы управления Алжира стоял генерал-губернатор, который совмещал как военную, так и гражданскую власть. Он назначался французским правительством и ему были предоставлены функции высшего уполномоченного III Республики: в его ведении находились все гражданские учреждения, за исключением финансовых и судебных, которые подчинялись соответствующим министерствам метрополий. По гражданским делам ему содействовал главный директор, а его помощником по военным и «военно-народным» делам был начальник Генерального штаба.

11 Таким образом, высшие органы власти в Алжире подразделялись на военные и гражданские. При этом в середине 70-х годов XIX в. «гражданская территория» составляла около $\frac{1}{15}$ территории Алжира и на ней проживало до $\frac{1}{3}$ населения. Плотность населения на гражданской территории была в 7 раз больше, чем на военной, причем на гражданской территории было сосредоточено 97% европейского населения страны. Соответственно, на долю «военной территории» приходились обширные полупустынные и пустынные пространства с относительно редким населением, состоящим преимущественно из кочевых племен²¹.

12 Французские военные набирали себе в Алжире местных помощников, в основном из среды турок или *кулуглу*²² (для подавления сопротивления местных племен) и из местной арабской племенной верхушки (для комплектации системы управления на местах). Янычары и кулуглу, перешедшие на службу к французам, составили первые «туземные формирования», использованные для подавления сопротивления алжирцев. При каждом «Арабском бюро» состояло несколько янычар (как правило, до 12 человек), исполнявших обязанности местной полиции. Формально они числились при своих частях и считались пребывающими во временной командировке. Кроме того, при каждом «Бюро» состояло порядка 10 вольнонаемных конников, оплачиваемых из бюджетов местных общин и имевших собственную лошадь и оружие. Военно-окружные начальники в случае восстания имели право собрать всадников из подведомственных им племен. В бою этим ополчением руководили офицеры

«Арабских бюро». «Обращение к традиционной аристократии, – отмечал Ш.-Р. Ажерон, – по крайней мере к той, которая хотела нам служить, стало правилом туземной политики. Но потребовалось еще время, чтобы внушить нашим беспокойным вассалам, особенно в провинции Константины и на юге Орании, что они не более чем сменяемые чиновники»²³.

13 Таким образом, французская система власти в Алжире серьезно отличалась от янычарской. Как отмечал М.Н. Богданович, «французы уничтожили в завоеванной стране издавна существовавший образ управления, не заменив его другим, сообразным с свойствами и обычаями жителей... изгнание из страны турок, умевших держать в повиновении арабов, было большою ошибкою: немногие турки, поступившие на службу во французские войска, доказали на опыте свою верность и принесли много пользы. Напротив того, мавры, презираемые арабами, имели в понятии французов значение туземной аристократии и назначаемы были беями и агами»²⁴. Власть военно-окружных начальников на местах опиралась на *ага* и *башага*, которые подбирались французами из влиятельных местных семейств и сами назначали руководителей (*каидов*) племен и шейхов племенных фракций. Требования этой «чиновной знати» поддерживались полицейской силой, состоящей из военных и вольнонаемных, а также местным ополчением. Однако, главная основа управления Алжиром заключалась в силе французских войск, всегда готовых выступить для усмирения населения.

14 Такая организация власти имела два существенных недостатка. Первый из них состоял в устойчивом недоверии коренного населения к лицам, поставленным управлять его делами, собирать с него налоги, налагать дисциплинарные взыскания, взимать штрафы и т. д. С одной стороны, это недоверие было неизбежным в отношениях побежденного и победителя. С другой стороны, сами победители еще больше увеличивали его, назначая начальниками лиц, «им неприятных, часто верных только по наружности» и постоянно «играющих двуличную роль»²⁵. Раскрывая сущность этого механизма, А. Куропаткин писал: «Окружное начальство весьма дурно принимает жалобы от населения на злоупотребления каидов (самим же начальством поставленных), а каиды, со своей стороны, легко рассеивают все подозрения, заявляя, что они нелюбимы населением за свою верность французам»²⁶. Положение дел могло изменить разрешение коренному населению самому выбирать своих непосредственных руководителей, но французы не считали возможным даровать им это право.

15 Второй недостаток французского управления в Алжире проявился в постоянном конфликте интересов между военными, желавшими оставаться хозяевами на подвластных территориях, и гражданскими колонистами, которые с опаской и даже с негодованием относились к деяниям военных властей. Каждая из сторон в этом споре выдвигала свои аргументы. Колонисты, хорошо знакомые со злоупотреблениями «Арабских бюро», считали что военные комендатуры, творящие суд и расправу над туземцами, ставят под угрозу безопасность поселенцев, так как настраивают мусульман против их мирного труда. Со своей стороны, военно-окружное начальство враждебно встречало переселение колонистов в управляемые ими военные округа и с плохо скрываемым недоверием относилось к гражданскому режиму. Даже малое количество колонистов позволяло генерал-губернатору перевести часть округа (а то и весь округ) в статус гражданской территории. Это вело к устранению военных с занимаемых должностей, а также к ослаблению их власти и влияния²⁷.

16 Желая лучше контролировать самые плодородные и наиболее населенные местности Алжира, военно-окружные начальники не спешили делиться своими полномочиями с колонистами²⁸. Они оказывали им скрытое сопротивление, ссылаясь на соображения их же безопасности и указывая на то, что для арабов и кабиллов, воинственных по своей натуре и уважающих только силу, начальники из офицеров еще долго будут иметь больший вес, чем гражданские чиновники. Эту «войну с женщиной» усилило решение Сената Франции от 7 июля 1864 г., которое подчинило гражданских префектов Алжира командующим военным

округов. После тяжелой засухи и голода 1867 г., восстановившего коренных алжирцев против европейских фермеров, в конфликт гражданских и военных втянулась и церковь в лице первого архиепископа Алжира Ш. Лавижери (1825–1892). Он прямо упрекал военных в том, что своими бесчинствами они мешают «цивилизаторской миссии Франции».

17 Эхо этой полемики отзывалось в метрополии, где еще много лет не утихали споры между сторонниками гражданского и военного режима в Алжире. Ситуацию разрядил только роспуск снискавших скверную славу «Арабских бюро» (1880 г.). К этому времени колониальная система была уже способна смирять недовольство алжирцев сугубо экономическими мерами, не прибегая постоянно к вооруженному насилию. После этого французские военные в Северо-Западной Африке «возвратились к исполнению роли, которая была им совершенно четко определена колонизацией: к расчистке для нее пути»²⁹.

18 Система управления Алжиром была заимствована французами из опыта функционирования самостоятельного государства Абд аль-Кадира Алжирского (1808–1883). В то же время она явилась результатом длительной борьбы сторонников «ассимиляции» и «изоляции» местного населения. Эта сложная и разветвленная бюрократическая конструкция не была оторвана от населения, как это происходило в янычарском государстве XVI–XVIII вв., но вовлекала его в свои ряды для нужд управления и подавления сопротивления остальных алжирцев. Суть этой системы сводилась к тому, чтобы под флагом французского суверенитета над Алжиром (и при внешней лояльности его европейской верхушки формальной власти генерал-губернатора) приспособить администрацию к интересам алжиро-европейцев.

19 Париж стремился заставить алжиро-европейцев считаться в первую очередь с интересами метрополии. Однако сделать это было достаточно сложно: даже верных и покладистых генерал-губернаторов «сеньоры колонизации» свергали, если считали это полезным. Любезная им доктрина ассимиляции, ставшая основой политики Франции почти на всем протяжении ее господства в Алжире, породила проблему политического представительства алжирских мусульман – как в органах колониального самоуправления, так и в парламенте метрополии. «Туземный кодекс» (1881 г.) обрекал алжирцев, экономически разоренных колонизацией, и на полное политическое бесправие. Коренным жителям запрещалось создавать свои партии и даже состоять в организациях, образованных европейцами. Им был закрыт доступ к большинству административных должностей³⁰. В сущности, Туземный кодекс представлял собой юридическую основу для сегрегационных мер и порядков, основанных на распоряжении свободой, имуществом, а нередко и жизнью «подданных» Франции (в отличие от ее граждан) со стороны чиновников, военных и европейских колонистов³¹.

20 Любые парламентские попытки проведения реформ в Алжире в пользу арабов блокировались алжиро-европейцами, которые были главными противниками какого-либо смягчения колониального гнета. Именно многочисленность и длительность проживания в стране этого меньшинства породила у него представление об Алжире как неотъемлемой части Франции. Из этого выросла и последовательная нетерпимость европейцев Алжира к любым формам политической самоорганизации «туземцев».

21 ***Насилие в ходе национально-освободительной войны. Деятельность «Секретной вооруженной организации»***

22 Национально-освободительная война в Алжире началась 1 ноября 1954 г. и продолжалась восемь лет. Эти кровопролитные и драматические столкновения приобрели чрезвычайную значимость не только для Алжира и Франции (поскольку во многом способствовали падению IV Республики), но и для всей французской колониальной империи. Став молохом, пожиравшим жизни алжирцев и французов, алжирская война нанесла огромный

вред международному престижу Франции. Неспособность правительств IV Республики решить эту проблему в итоге привела к росту нестабильности всей государственной системы, которую ультраколониалисты неоднократно пытались использовать для свержения режима, примером чему стал антиреспубликанский заговор в Алжире 13 мая 1958 г.

23 В алжирской войне погиб 1 млн алжирцев, 2 млн были заключены в специальные лагеря для интернированных, 500 тыс. беженцев перебрались в Марокко и Тунис. Массовое бегство колонистов в конце войны (почти 1 млн человек, или 90% всех проживавших в стране европейцев) практически лишило Алжир большинства технических и административно-управленческих кадров, учителей, врачей и квалифицированных рабочих. Выехавшие колонисты вывезли часть оборудования, закрыли свои предприятия: 70% трудоспособного населения Алжира осталось без работы³². Несмотря на заключение Эвианских соглашений между Францией и Временным правительством Алжирской Республики (ВПАР) (18 марта 1962 г.), нормализовать сущность двусторонних отношений так и не удалось.

24 Взаимное отчуждение французских и алжиро-мусульманских элит началось в 1954 г., когда партия Фронт национального освобождения начала открытый террор против французского населения, провоцируя власти Франции на ответные действия. Далее события превратились в постоянно раскручивавшуюся спираль насилия, вероломства, предательства и неутолимой ненависти. 20 августа 1955 г. состоялась одновременная атака на европейцев в 39 поселках и городах, включая такие крупные, как Филиппвиль и Константина. Партизанами были разрушены, осаждены или взяты штурмом армейские казармы, комиссариаты полиции и центры жандармерии в семи городах, убиты 71 француз и 62 алжирца-коллаборациониста³³. В шахтерском поселке близ Константины боевики полевого командира Юсуфа Зигуда разбивали о стены головы европейских младенцев на глазах у их изнасилованных матерей³⁴. Ответ французов не заставил себя ждать: было убито более 1200 алжирцев и столько же взято в плен. Жажда крови с обеих сторон была столь сильна, что бойня на востоке продолжалась до конца месяца: по всей области Константина были убиты порядка 12 тыс. алжирцев-мусульман. Генерал-губернатор Алжира Ж. Сустель, посетивший места боев, признал, что возникла «кровавая пропасть» между европейцами и арабами, ибо «страх объял европейцев» и вся страна стала жить «в атмосфере страха»³⁵.

25 Отвечая террором на террор, французская армия и ополчения колонистов начали массово применять пытки, депортировать целые деревни и заключать алжирцев в концлагеря. Особенно усердствовали потерявшие от страха самообладание «ультра», действия которых вынудили французское командование даже отдать приказ «по возможности разоружать европейцев». К ноябрю 1955 г. из 90 ферм европейских колонистов на севере области Константина 67 были сожжены; каратели отвечали репрессиями и заключением в созданные Сустелем «центры приюта» алжирцев, не успевших уйти в горы³⁶. Впрочем, агрессия партизан ФНО обращивалась и против «коллаборационистов», сотрудничавших с колониальным режимом. Их отрезанные и насаженные на колья головы «украшали» обочины сельских дорог³⁷. Беспощадные бои за алжирскую столицу («битва за Касбу», июнь 1956 – октябрь 1957 г.), в ходе которых без вести пропали более 3 тыс. мусульман, вызвали волну критики в адрес армейского руководства уже в самой Франции. Там изуверства алжирской войны вызвали все более ожесточенную критику левых сил, волну протестов и разоблачений. Статьи и речи публицистов К. Бурдэ и Ф. Жансона, известных писателей Ф. Мориака, А. Камю и Ж.-П. Сартра будоражили общественное мнение.

26 В конце 50-х годов XX в. противоборство алжиро-европейцев, алжиро-мусульман и властей породило тектонические сдвиги в структуре власти самой Франции. 13 мая 1958 года «черноногие» захватили государственные учреждения в столице Алжира и провозгласили собственное правительство чрезвычайного положения. После того, как командование

армейского контингента во главе с генералом Р. Саланом³⁸ поддержало это самопровозглашенное правительство, Франция оказалась на грани революции. В этот критический момент на политическом Олимпе появился Ш. де Голль, уже на посту премьер-министра назначивший командующим войсками в Алжире генерала М. Шалля. За период с мая 1958 г. и вплоть до подписания Эвианских соглашений (1962 г.) политика Ш. де Голля прошла драматическую эволюцию – от лозунга «Алжир – это Франция» до признания его политической независимости. При этом чем более реалистичный курс избирал президент Франции, тем более ожесточенно сопротивлялись проколониальные силы³⁹.

27 Пик взаимных жестокостей алжирцев и европейцев пришелся на завершающий этап освободительной войны. В 1961 г. на авансцену событий вышла «Секретная вооруженная организация» (ОАС)⁴⁰, созданная в рядах французской армии приверженцами сохранения Алжира как части Франции. Как в Алжире, так и в метрополии у ОАС поначалу было немало сторонников, особенно из числа алжиро-европейцев, испытавших шок от идеи самоопределения Алжира и ощущавших себя брошенными президентом де Голлем. В апреле 1961 г. генералы Салан, Жуо, Шалль и Зеллер совершили очередной путч в Алжире⁴¹. Их сторонники захватили ключевые здания города, а Р. Салан объявил о принятии на себя руководства военно-политическим комитетом ОАС. На протяжении 1961–1962 гг. ОАС неоднократно совершала широкомасштабные погромы, террористические акты, разрушала предприятия, здания административных учреждений, школ, больниц. 18 июня 1961 г. ОАС совершила наиболее кровопролитный теракт в истории Франции XX в., подрывав железнодорожный экспресс Страсбург–Париж. А 8 сентября 1961 г. боевики ОАС, окопавшиеся в метрополии, совершили первое покушение на жизнь Ш. де Голля⁴².

28 С начала 1962 г. ОАС перешла от угроз и бесчинств к тотальному террору. Ее сторонники систематически истребляли приезжавших из метрополии военных, администраторов, судей и комиссаров полиции. Этот кровавый счет, выставленный Парижу, должен был доказать алжиро-европейцам бессилие французских властей. Одновременно оасовцы начали подлинную «охоту на арабов», пытаясь устрасить арабо-берберское население и заставить его покинуть заселенные европейцами прибрежные районы «полезного Алжира» (“L’Algérie utile”). Эскалация насилия со стороны ОАС была прямо пропорциональна продвижению переговоров о предоставлении независимости Алжиру, проходивших между правительством Франции и Временным правительством Алжирской республики во французских городах Русс и Эвиан. Если в январе 1962 г. оасовцы убили 55 и ранили 990 человек⁴³, то в разгар переговоров (март 1962 г.) члены организации взрывали в Алжире 100 и более бомб в день⁴⁴. После подписания Эвианских соглашений (18 марта) террор еще усилился: в Алжире за апрель 1962 г. было совершено более 12 тыс. покушений, в ходе которых было убито 1,5 тыс человек и более 4 тыс. ранено; по другим данным, за март-апрель жертвами политических убийств пали свыше 3 тыс. алжирцев⁴⁵. Июль 1962 г. в Алжире исследователи называют «черным». В ответ алжирская Армия национального освобождения (АНО) 5 июля 1962 г. учинила массовую резню в одном из крупнейших городов Алжира – Оране, когда семь партизанских бригад вошли в город, нападая на европейцев, пытая и безнаказанно убивая их⁴⁶. В результате «оранских событий» погибло и пропало без вести более 3 тыс. человек. Всего же за десять месяцев своей человеконенавистнической и преступной политической кампании ОАС провела более 5 тыс. покушений в Алжире и более 600 во Франции.

29 По сути, именно бездумная жестокость и посеянные боевиками ОАС «зерна ужаса» привели ее руководство к военному и политическому краху. После подписания Эвианских соглашений лидеры ОАС всемерно провоцировали коренных алжирцев на массовую резню европейцев. Однако «служба порядка», созданная бывшими партизанами (*фидаинями*) ФНО в

крупных городах сумела воспрепятствовать этому плану, действуя в контакте с французской армией. Тогда Р. Салан, отдав своим сторонникам приказ о «всеобщем наступлении», впервые бросил их в бой против вооруженных сил Франции. В результате в одной только столице Алжира за один день (26 марта 1962 г.) были убиты 15 французских солдат и 70 алжиро-европейцев и ранены 17 солдат и 200 европейцев⁴⁷.

30 Подобные акты насилия лишь изолировали верхушку ОАС от французского генералитета, который отныне посчитал ОАС серьезным противником и перестал ей сочувствовать. Разрыв между ОАС и армией окончательно лишил ультраколониалистов надежды на «возрождение французского Алжира» – особенно после референдума 8 апреля 1962 г. прошедшего во Франции и одобрявшего алжирскую политику Ш. де Голля⁴⁸. Страх перед террором ОАС, в отчаянии перешедшей к тактике «выжженной земли», способствовал и массовому исходу европейцев из Алжира. В течение нескольких месяцев Алжир покинули свыше 820 тыс европейцев, справедливо опасавшихся уже не столько действий оасовцев, сколько акций возмездия со стороны боевиков АНО (пусть даже Эвианские соглашения и предусматривали на бумаге гарантии «личной безопасности и неприкосновенности имущества европейских поселенцев»). Структуры ОАС фактически были ликвидированы только в 1963 г., когда основные ее руководители и исполнители терактов были осуждены французскими военными трибуналами к смертной казни или длительным срокам тюремного заключения.

31 ***Актуализация исторического прошлого: проблемы покаяния, «черноногих» и харки***

32 Алжирская трагедия 1954–1962 гг. так и не успела превратиться в историческое прошлое обеих стран. После трудного и мучительного ухода Франции из Алжира сотни тысяч колонистов и алжирских солдат-харки, служивших в колониальных войсках, устремились в метрополию. Для колонистов она давно перестала быть родиной, поскольку большинство из них родились в Алжире. Для харки она родиной тем более не была, хотя именно Франции и ее идеалам свободы равенства и братства они присягали, поступая на службу к колонизаторам. Беженцы лишились почти всего имущества, их безопасность никто не обеспечивал, и период их адаптации к новым условиям был довольно безрадостным⁴⁹. Только в 1970–80-х годах представители экс-«черноногих» проникли в среднее звено административной системы Франции. Впоследствии они учредили «Союз защиты прав французов, изгнанных из Алжира». На основании Закона от 15 июля 1970 г., согласно которому предоставленное им вспомоществование со стороны французского правительства – только небольшая часть того, что положено им по праву, они пытались подавать в алжирские суды иски, требуя изгнания алжирских семей из своих домов и передачи их на основании права собственности. Однако власти АНДР, культивировавшие в те годы неприятие претензий метрополии, неизменно отказывали «черноногим» в их исках⁵⁰.

33 Еще более сложным и болезненным оказалось общественное и экономическое положение харки. Этот термин, происходящий от *харка* (араб. набег, поход, военная кампания) возник в начале XX в. С 1914 г. его использовали для обозначения арабо-алжирских отрядов, ополчений и формирований, которые содействовали французской регулярной армии в Северной Африке. После окончания национально-освободительной войны так стали называть всех алжирцев, когда-либо зачисленных во вспомогательные части французской армии. Чаще всего подразделения харки обороняли мелкие населенные пункты от вторжения сил АНО и не поддерживали идею независимости. По условиям Эвианских соглашений они были вынуждены сложить оружие и оказались беззащитны перед партизанами, видевшими в них предателей. После истребления европейцев в Орানে отрядами АНО (июль 1962 г.) харки и члены их семей всеми силами стремились покинуть Алжир и переселиться во Францию. Однако дорога в метрополию для них оказалась закрытой. На волне массовой иммиграции

алжиро-европейцев в Париже было решено не впускать в страну арабов сотрудничавших с Францией, в силу сомнений властей в их лояльности. Считалось, что они, обладая военным опытом, могут усилить ряды экстремистских группировок.

34 Это непродуманное и бесчестное решение привело к массовым беспощадным убийствам отставных харки, их жен и детей, попавших в руки сторонников независимости Алжира. Публичные расправы без суда и следствия чаще всего происходили на востоке и юго-востоке Алжира в период с июля по середину сентября 1962 г. Жертвами этой вакханалии мести стали, по разным оценкам, от 60 до 150 тыс. человек⁵¹. Нескольким десяткам тысяч все же удалось выбраться во Францию, где их вместе с семьями разместили в специальных «временных» лагерях-поселениях, в которых они оставались до середины 1970-х гг.⁵² В результате многие отставные колониальные солдаты маргинализировались и не стремились интегрироваться во французское общество. Тогда же возникло противостояние между харки и алжирскими рабочими, в большом количестве приезжавшими во Францию на заработки. Последние считали своих бывших соотечественников «предателями» и «карателями». Часто вспыхивавшие между ними открытые конфликты заставляли французские власти продолжать содержать харки в специальных лагерях.

35 Первые выступления харки против условий их содержания произошел уже в 1962 г. В результате последующих многочисленных протестов и восстаний лагеря, где они содержались, были распущены, им было выделено социальное жилье. Однако только после вступления в активную жизнь второго поколения харки, которые уже выросли во Франции и были настроены более радикально, чем их родители, правительство стало пересматривать свою политику в их отношении. Чтобы преодолеть маргинальность и исключенность харки из общественной и экономической жизни, было решено создать на Лазурном побережье 75 лесных хозяйств, которые дали работу 10 тыс. алжирцев. Между тем, харки все равно оставались сравнительно изолированной социальной группой во Франции. В 1990-х годах положение харки и их статус во французском обществе стали темой социально-политического обсуждения во Франции. Стали появляться отдельные статьи и монографии, авторы которых на основе архивных документов анализируют их драму⁵³.

36 Параллельно происходило юридическое оформление статуса харки. Согласно закону от 9 декабря 1974 г., они, как и другие военнослужащие вспомогательных войск, получили во Франции статус ветеранов (с 23 июля 2010 г. этот статус распространяется и на потомков харки, пребывающих в Алжире). Важным для общественной реабилитации харки оказался «Закон Романи»⁵⁴, принятый летом 1994 г. В нем впервые на государственном уровне выражалась благодарность со стороны Французской Республики репатриированным членам бывших вспомогательных частей «за те жертвы, которые они понесли»⁵⁵. Тем не менее, отрицательное общественное мнение Алжира в отношении исторической роли харки осталось единодушным и через полвека после подписания Эвианских соглашений⁵⁶.

37 Подлинным рубежом, на котором актуализировались споры о темных страницах колониального прошлого Франции в Алжире, стали 90-е годы прошлого столетия. Франция и Алжир подошли к этим спорам с разным историческим опытом. Алжир пережил в конце XX в. исключительно долгую и принявшую жесткие формы борьбу государства со сторонниками радикальных исламских взглядов, в ходе которой, по разным оценкам, погибло от 150 до 300 тыс. человек⁵⁷. Для Франции это десятилетие стало полем для новых интеграционных инициатив, направленных на формирование экономических механизмов взаимодействия с южным берегом Средиземноморья⁵⁸. Одновременно во внутренней политике Франции заметно обострилась проблема интеграции во французское общество мусульманской общины – самой многочисленной в Западной Европе – и «иммигрантский вопрос» оказался центральным

звеном в политической и социальной жизни страны⁵⁹.

38 В конце 1990-х годов наметилось и политическое сближение двух стран. Визит в 1999 г. министра иностранных дел Франции Ю. Ведрина в АНДР привел к подписанию декларации об «особом партнерстве» Алжира и Франции. Однако заключению полномасштабного договора о дружбе помешало настоятельное требование правительства Алжира об «официальном покаянии» со стороны Франции за колониальную политику XIX–XX вв. В октябре того же 1999 г. парламент Франции специальным законом признал правомерность применения термина «война» по отношению к алжирским событиям 1954–1962 гг.⁶⁰ Тогда же французский социолог Р. Дебре, близкий к окружению уже покинувшего свой пост президента Ф. Миттерана (1981–1995 гг.), впервые предложил переосмыслить исторические итоги алжирской войны и вписать ее в глобальный контекст взаимоотношений ближневосточного и средиземноморского мусульманского мира с европейским⁶¹.

39 На стыке XX и XXI столетий вопросы колониального прошлого Франции и особенно ее отношений с Алжиром продолжали будоражить общественное мнение обеих стран наряду с широкими дебатами относительно вопросов интеграции, национальной идентичности и мультикультурализма. В 1998 г. во Франции прошел процесс над генералом П. Оссаресом, который был спустя 37 лет осужден за разгон мирной демонстрации алжирцев в Париже 17 октября 1961 г. В ходе этих событий более 11 тыс. алжирцев было арестовано, а десятки подверглись пыткам в полицейских участках, были сброшены в Сену или раздавлены бегущей толпой⁶². Позже колониальные «подвиги» П. Оссареса еще раз попали в фокус общественного внимания. Вслед за публикацией его книги воспоминаний «Специальные службы: Алжир в 1955–1957 гг. Мое свидетельство о пытках»⁶³ на отставного генерала неоднократно подавали в суд за совершение преступлений против человечности. Однако суды всех инстанций отказывались рассматривать иски по существу⁶⁴.

40 Беспорядки и крупные погромы на этнокультурной почве, акты террора, произошедшие во Франции в 2005 г., стали показали, что исторический конфликт вокруг 132-летней колониальной эпопеи еще далеко не исчерпан. Алжирское руководство нередко выражало недоверие к проводимой правительством Франции внешней политике. В феврале 2005 г. в Алжире было с возмущением воспринято принятие французским парламентом закона, в котором колонизация трактовалась, как «носившая положительный характер» и «способствовавшая развитию колоний». Негативная реакция последовала и со стороны тогдашнего президента АНДР Абд аль-Азиза Бутефлики, который с 19 лет воевал против Франции в отрядах АНО и закончил войну в звании майора. Следствием принятия этого закона стала отсрочка на неопределенный срок по требованию алжирской стороны подписания Договора о дружбе и сотрудничестве между двумя странами. Его заключение алжирцы стали обуславливать необходимостью не только упрощения визового режима, но и углубления «работы над исторической памятью». В ответ на этот закон, который алжирцы охарактеризовали как «закон позора», на рассмотрение алжирского парламента в том же году был внесен законопроект «О криминализации французского колониализма».

41 Неоднозначное отношение французского общества к событиям 1954–1962 гг. вызвало в 2000-х годах новый всплеск интереса к судьбе осевших во Франции харки. В марте 2003 г. президент Ж. Ширак учредил Национальный день памяти харки и других военнослужащих вспомогательных структур французской армии, который отмечается еже годно 25 сентября⁶⁵. Во время президентской избирательной кампании (март 2007 г.) его преемник Н. Саркози обязался официально признать ответственность Франции за оставление харки без помощи и последующие их убийства алжирскими партизанами⁶⁶. 5 декабря того же года по возвращении из Алжира президент Саркози принял представителей харки в Елисейском дворце и объявил о

намерении улучшить качество их интеграции во французское общество⁶⁷. В этом же десятилетии во Франции и за рубежом появились новые фундированные диссертации и исследовательские работы, затрагивающие болезненную для французского общества тему жестокостей по отношению к коренному населению Алжира, публиковались документы, касающиеся судьбы «черноногих» и харки⁶⁸.

42 В 2010-х годах взаимные постколониальные обиды и претензии Франции и Алжира заметно усилились за счет непродуманной «африканской политики» Франции в ходе развертывания событий «Арабской весны». Администрация Н. Саркози в 2011 г. взяла на себя ведущую роль в разгроме режима М. Каддафи, которому Алжир десятилетиями оказывал содействие. Впоследствии, несмотря на настойчивые уговоры МИД Франции поучаствовать в военной интервенции в Ливии, руководство АНДР отказалось поддержать Париж в его тактических планах. Да и интенсивные операции французских вооруженных сил в Мали в 2012–2013 гг. отнюдь не улучшили климат двусторонних отношений.

43 В декабре 2012 г. новый президент Франции Ф. Олланд посетил Алжир. Это был важный и сложный для обеих сторон визит, состоявшийся уже после событий «Арабской весны». В ходе переговоров обсуждались насущные проблемы (судьба семьи М. Каддафи, положение в Мали, экономические сюжеты), однако программа пребывания Ф. Олланда предусматривала и смягчение исторических обид. Французский президент в компании историка-магрибиста Б. Стора посетил ряд памятных для Алжира и Франции мест. Выступая в Национальной народной ассамблее (нижней палате парламента), Ф. Олланд выразил сочувствие страданиям алжирского народа от колониализма. Он упомянул, что «бойня в Сетифе, Гельме и Херрате глубоко запала в историческую память и сознание алжирцев»⁶⁹ и отметил несправедливость и жестокость колониальной системы. Ф. Олланд также обещал разработать закон о возмещении ущерба алжирцам, пострадавшим во время ядерных испытаний Франции в Сахаре. Однако никаких слов раскаяния за преступления колониальной эпохи со стороны Франции тогда произнесено не было. Более того, на встрече с Абд аль-Азизом Бутефликой президент Франции перешел в своеобразную «контратаку», затронув вопрос о ходе расследования убийства в Алжире семи французских католических монахов (1996 г.). Поскольку французская юстиция подозревает в этом преступлении не исламских радикалов, а спецслужбы АНДР, Ф. Олланд оттенил болезненные вопросы колониального прошлого другим неприятным обстоятельством последних десятилетий.

44 В декабре 2013 г. Алжир посетила правительственная делегация Франции во главе с премьер-министром Ж.-М. Эйро. Среди прочего, стороны сформировали новую инстанцию для решения вопросов интеграции алжирских репатриантов. Однако результативность встречи заметно подпортила неуместная ирония Ф. Олланда, который публично поздравил своего премьер-министра с тем, что он смог вернуться из Алжира «живым». Это замечание вызвало у алжирского руководства новые подозрения относительно искренности и равноправного обращения со стороны бывших колониальных хозяев⁷⁰.

45 При нынешнем французском президенте трактовка проблем исторического прошлого Франции и Алжира заметно изменилась. В феврале 2017 г., выступая в эфире алжирского телевидения еще в роли кандидата в президенты, Э. Макрон [назвал](#) завоевание Алжира «преступлением против человечности» и «варварством», а «колонизацию – частью французской истории», которой «надо взглянуть в лицо, принося наши извинения»⁷¹. В декабре того же года Э. Макрон совершил официальную поездку в Алжир, намереваясь радикально улучшить и перестроить зашедшие в тупик двусторонние отношения.

46 Глава государства не скупился на инициативы, подготовленные его администрацией «ради будущего Алжира и Франции». В частности, он объявил о создании совместной группы

экспертов и историков, которые займутся проработкой наиболее сложных и конфликтных вопросов истории двух стран, с тем, чтобы сглаживать противоречия и вывести их обсуждение из сферы политического дискурса. Также Э. Макрон заявил о намерении разрешить деликатную и чувствительную для алжирцев проблему – вернуть Алжиру черепа алжирских моджахедов, убитых французскими солдатами в ходе войны 1954–1962 гг. и экспонирующиеся в витринах Парижского музея человека. Это обстоятельство всегда вызывало душевную боль и негодование у алжирских лидеров и простых алжирцев.

47 В то же время, касаясь итогов «исторической» части своего визита, французский президент заявил, что в обмен на признание Францией преступлений, совершенных в ходе колонизации, Алжир должен «позволить французам, рожденным в Алжире, вернуться на их родину, независимо от их позиции в ходе колонизации»⁷². Под этой категорией он подразумевал «черноногих» и харки, к которым большинство алжирцев (как в Алжире, так и во Франции) по-прежнему относятся как к предателям. Со своей стороны, алжирский МИД еще при подготовке этого визита добивался, чтобы в его повестку дня специально были включены вопросы, связанные с «историческим покаянием» французского народа.

48 Впрочем, дальнейшие внутривнутриполитические события во Франции так и не позволили алжирцам отступить от бывшего чувства унижения и неприятия колонизации. «Примиренческая» позиция Э. Макрона в отношении «исторической памяти» АНДР вызвала и продолжает вызывать шквал отрицательных реакций, особенно на правом и крайне правом фланге французской политики. Они показывают, что значительная часть французского правящего класса и электората в начале XXI в. не готова отказаться ни от имперской самоидентификации, ни от чувства превосходства в отношении бывшей колонии. Так, если в риторике Национального фронта М. Ле Пен прославлялось колониальное прошлое, то и умеренные правые силы перед президентскими выборами 2017 г. делали акцент на «цивилизующих» посылах колонизации, на последовавшем за ней бесспорным успехе алжирской экономики или на социально-экономических провалах независимой АНДР. Аллергия правых партий на «алжирское покаяние» Э. Макрона мотивировалась еще и тем, что исламистская угроза и «заклинания идентичности» разворачивались в обществе, насчитывающем не менее 3–4 млн алжирцев и обладателей двойного гражданства⁷³.

49 Так, мэром г. Туркуана Ж. Дарманэн, выступая в 2016 г. в пользу кандидата Ф. Фийона (партия «Республиканцы»), заявил: «В силу своей интеллектуальной и политической слабости Эммануэль Макрон неспособен облачиться в одежды главы государства, что требует смелости и чувства меры. История Франции, которая, конечно, знает горестные моменты и теневые зоны, ... не заслуживает глумления по произволу этого ведущего кампанию избалованного ребенка, который играет с нашей страной так, как он игрался с финансовыми рынками». Вывод Ж. Дарманэна о том, что Э. Макрон, говоря о «преступлениях против человечности» в Алжире, «унизил и оскорбил каждого француза», тем более любопытен, что сам Дарманэн – внук алжирца, служившего во французской армии⁷⁴.

50 Разногласия между Францией и Алжиром по вопросам колониальной истории акцентировало решение Конституционного совета Франции предоставить право на получение государственного пособия всем (как французским, так и алжирским) жертвам войны в Алжире, которые тогда проживали в стране, а также их правопреемникам – исходя из принципов «всеобщего равенства перед законом» и «недопустимости дискриминации жертв». В своем решении от 8 февраля 2018 г. Конституционный совет постановил, что «законодатели не могли без нарушения принципа равенства установить ... различие в обращении с жертвами-французами и жертвами иного подданства, проживавшими на территории Франции на момент нанесения им ущерба»⁷⁵. Это решение позволило гражданским лицам с алжирским подданством претендовать в качестве жертв войны на французскую государственную пенсию.

Поэтому адвокат парижской коллегии Тарик Абхари дал понять, что это вспомоществование будет распространено и на алжирцев, ставших в 1954–1962 гг. жертвами действий АНО (в первую очередь, это касается солдат-харки)⁷⁶.

51 Решение Конституционного совета вызвало бурное негодование в правом стане французской политики. Так, депутат Европарламента от ультраправого Национального объединения⁷⁷ Тьерри Мариани назвал этот прецедент «безумным ... решением», иронически интересуясь, «когда у нас начнут выплачивать пенсии бывшим боевикам ФНО». На деле, как свидетельствуют эксперты, бывшим харки и их потомкам будет довольно сложно воспользоваться своими новыми правами. Даже сама численность пострадавших в Алжире неграждан Франции не может быть достоверно установлена через пятьдесят лет после завершения национально-освободительной войны – с учетом того, что все пострадавшие находятся в преклонном возрасте или уже скончались. Французский историк-алжировед Т. Кеменер сообщил газете «Либерасьон», что в ходе войны было ранено более 60 тыс. французских солдат, переживших пост-травматический стресс и психологические проблемы, проведя затем годы в больницах с невротическими заболеваниями. Однако признание этих обстоятельств государственными органами ничем не гарантировано⁷⁸.

52 Разрешению проблем взаимных претензий двух стран во многом препятствует еще неполное развитие исторической инфраструктуры, позволяющей провести системные и многопрофильные исследования. Так, по мнению посла Франции в Алжире Кс. Драенкура, восстановление исторической памяти о войне «продвигается медленно, иногда – очень медленно, но в этом деле есть прогресс»⁷⁹. Со своей стороны министр АНДР по делам *муджахидов*⁸⁰ Тайиб Зейтуни добавил, что алжирцам до сих пор трудно узнавать правду о репрессивной колониальной политике Франции, так как восстановлено и репатрировано только 2% документации общего колониального исторического архива, считающегося собственностью Алжира⁸¹. Да и один из главных депозитариев документов об алжирской войне 1954–1962 гг. – исторический архив французской армии – до сих пор ограничивает доступ историков к фондам и делам, относящимся к этому драматическому периоду⁸².

53 В этом же контексте разворачивается и самокритика не только французских, но и алжирских историков. Так, алжирский академик и преподаватель университета Абд аль-Азиз Азими считает, что, во многом, что связано с «войнами исторической памяти», виноваты сами алжирцы. «До сегодняшнего дня, – сетует А. Азими, – у нас в стране не создали ни одного фильма, повествующего об освободительной революции. Не написана также книга, достойная уровня освободительной революции». Более того, он приводит в качестве примера случай, когда имам мечети в алжирском г. Харрат призывал верующих не участвовать в памятной акции, посвященной колониальным репрессиям 8 мая 1945 г., под предлогом того, что «не следует смешивать политику с историей»⁸³. Однако алжирцы в той же мере, что и французы не склонны позволять третьим силам манипулировать своей историей. Вот пример: в 2018 г. президент Турции Р.Т. Эрдоган ответил на принятие французским парламентом закона о геноциде армян в Османской империи тем, что преступления французов против алжирского народа намного превосходят по своей тяжести то, что произошло с армянами. Ответ на этот демарш последовал не со стороны Франции, а от премьер-министра Алжира Ахмеда Уяхьи, осудившего высказывания Эрдогана и обвинившего его в использовании трагедий алжирской истории в своих интересах.

54 Тем не менее, критическое научное восприятие исторических обид и недопониманий между Алжиром и Францией за последние годы набирает силу. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно просмотреть длинный список появившихся уже в XXI столетии диссертаций, статей, научных докладов и тезисов, посвященных алжирской войне и

колониальной политике Франции⁸⁴. Примечателен и размах двух недавних конференций, состоявшихся в Оксфордском университете и посвященных алжиро-французским отношениям. Одна из них, под названием «Алжирская война за независимость: глобальная и местная истории, 1954–1962 гг. и далее» прошла 10–12 мая 2017 г. в Центре глобальной истории, а другая, в форме международного семинара, под названием «Алжир–Франция: как работает память? Историческое воображение как практическая категория» – 28–29 мая 2018 г. в Центре Европейских исследований⁸⁵. Эти форумы, собравшие десятки маститых ученых и начинающих исследователей, сделали акцент на междисциплинарных исследованиях исторической памяти и представлений о ней. Организаторы стремились сосредоточиться на том, каким образом работают память и идентичность на уровне индивидуального и коллективного восприятия войны – с тем, чтобы избежать ловушки бесконечных «войн памяти», все еще отравляющих общественную полемику в обеих странах.

55 Эти ценности созвучны мыслям французских историков. «Захватывающе наблюдать, – сказал недавно в своем интервью газете «Либерасьон» преподаватель истории и член ассоциации «Национальное пространство алжирской войны» (ENGA) К. Басьюо, – то, что алжирская война неизменно актуальна ... я замечаю как необычайную мощь и силу исторических исследований, проводимых новым поколением историков, так и страстные столкновения – настоящие дискуссии памяти (*le débat des mémoires*)»⁸⁶.

56 *** История сотрудничества Алжира и Франции после 1962 г. была сложной и разнонаправленной. Она переживала периоды подъемов и спадов межгосударственного сотрудничества, проходила этапы тесного взаимопонимания и острых политических кризисов. Однако как для алжирских, так и для французских правящих кругов и интеллектуальной элиты за эти десятилетия стала очевидной неразрывная связь исторических судеб двух стран. Не случайно так сильно перекликаются между собой два высказывания: слова второго президента Алжира Хуари Бумедьена о том, что «что-то маленькое, но особенное» останется между Алжиром и Францией, и выражение выдающегося французского историка-арабиста и исламоведа Анри Лоранса «Арабо-французское что-то» (*La chose franco-arabe*), ставшее подзаголовком его книги о францужско-арабских отношениях⁸⁷.

57 В чем причины того, что события 132-летней колонизации и деколонизации Алжира и сегодня столь равнодушно и болезненно воспринимаются и алжирским, и французским обществами? Ведь, казалось бы, со времени подписания Эвианских соглашений прошло уже более полувека. В обеих странах выросли новые поколения, для которых освободительная война 1954–1962 гг. – уже глубокая история, которую можно оценить без сложившихся с 1830 г. стереотипов. К этому поколению относится и нынешний президент Франции, родившийся в 1977 г. – через 15 лет после референдума о независимости Алжира.

58 Думается, что важнейшим мотивом «исторической обиды» двух культур явилась глубокая и специфическая вовлеченность сотен тысяч алжирцев во французское колониальное управление своей собственной территорией – то, что, по выражению французского историка Ж.-К. Ватэна, привело к серьезному повреждению колонизацией «социального кода» алжирского общества⁸⁸. Другой мотив – переселенческий характер французской колонизации Алжира. Он дал жизнь уникальной, самобытной и многочисленной прослойке алжиро-европейцев, съехавшихся на север Африки из разных стран и ставших ярыми защитниками колониального режима. Затем им, принудительно выброшенным из заморской Франции в метрополию, было суждено «застрять» между двумя мирами: европейским и арабским. Наконец, третий мотив, следующий из двух предыдущих, – невозможность отчетливого внутреннего размежевания в среде арабо-берберского населения и европейских переселенцев в Алжире. Как заметил в этой связи генеральный секретарь Ассоциации «Молодые черноногие» Б. Коль, освободительная война 1954–1962 гг. в Алжире по своей сущности оказалась

«двойным гражданским конфликтом, в котором, помимо прочего, арабы сражались с арабами, а французы с французами»⁸⁹. Если вспомнить то неукротимое отвращение и неприятие, с которым партизаны ФНО относились к солдатам-харки, а боевики ОАС – к Ш. де Голлю, то эта мысль представляется совершенно справедливой.

59 В итоге все устремления преодолеть «окровавленную пропасть», появившуюся между двумя нациями в ходе восьмилетней войны, неизменно упирались и будут упираться в запутанный комплекс вопросов, связанных с национальной идентичностью. Фактически в массовом сознании сконструированы две «исторических памяти» и две «исторических истины». Одна из них требует немедленного, бессрочного и как можно более унижительного покаяния Франции во всех грехах и преступлениях французского империализма. Другая закликает чтить память о погибших в Алжире французах, невзирая на их поступки и действия, а претензии АНДР к Франции называет «корыстным манипулированием историей», призванным оправдать ошибки ФНО, коррупцию и расплзающееся насилие⁹⁰.

60 Эта двойственность восприятия алжиро-французских «исторических ран» никак нельзя отнести к научным и историографическим вызовам. Она постоянно актуализируется острыми дебатами о проблемах миграции и судьбах мультикультурализма и других, как выражаются французские СМИ, «маркерах общественного мнения» – столь болезненных для современного Средиземноморья. Такие ранения едва ли могут быть залечены без интенсивного «примирения памяти» («*téconciliation des mémoires*»). Пока оно в какой-либо форме не будет достигнуто, ни алжирцы, изгнавшие французов, ни французы, покинувшие Алжир, не смогут забыть о «несостоявшейся гармонии», по выражению С.В. Прожогиной⁹¹, двух культур и социумов. В условиях мощной «демографической прививки», которую Алжир десятилетиями вливал в кровеносные сосуды современной Франции, противоречия исторической памяти о колониальном прошлом постоянно будут омрачать сотрудничество двух стран, мешать выстраиванию между ними непредвзятых отношений и плодотворных социально-экономических, политических и культурных связей. Как Франции, так и Алжиру предстоит проделать еще долгий путь, прежде чем из повестки двусторонних отношений начнут отступать вопросы «колониальных преступлений», споры относительно которых идут в обществе, среди историков, писателей, юристов и политиков.

61 Парадоксально, но спустя почти шесть десятков лет после получения Алжиром независимости, это желанное примирение и сильное чувство исторической взаимозависимости существует в отдельно взятом индивидуальном сознании каждого алжирца, связавшего свою жизнь с Францией. Об этом с подкупающей ясностью и простотой написал в своей недавней книге «Выходи, путь ждет тебя»⁹² французский журналист алжирского происхождения Слиман Зегидур. Мальчик из кабийской деревни, родившийся в 1954 г. и получивший образование во французской военной школе, он вырос в глубокого интеллектуала, редактора франкоязычной телевизионной сети «ТВ5 Монд», близкого к парижским коридорам власти. Дадим ему слово: «Правда в том, что сегодняшний Алжир не существовал бы без Франции, и в том, что Франция – дочь этого Алжира. Учреждения V Республики, образованные генералом де Голлем в 1958 г., являются последствием алжирской войны. Не существует двух отдельных реальностей: алжирской и французской. Есть две связанных судьбы, которые невозможно распустить». И далее: «Я не могу удержаться от ощущения нерешительности всякий раз, когда я должен заполнить в бланке строку «страна рождения». Если я укажу “Алжир”, это будет верно, но неточно, поскольку тогда республика была «едина и неделима». Если я выберу слово “Франция”, это будет точным, но потерявшим силу понятием. А если я упомяну “Французский Алжир”...»

1. Исторические материалы и архивные фонды, касающиеся алжиро-французских отношений, в том числе национально-освободительной войны 1954–1962 гг., существуют в, первую очередь, во Франции и Алжире, но также в других странах мира – России, США, Испании, Египте, Тунисе, Ливане, и др.
2. Первые очерки, рассказы и сборники о войне начали выходить во Франции с середины 1950-х гг, во время войны. Тогда же публиковались произведения французских военных. Падение IV Республики в 1958 г. и приход к власти Ш. де Голля сопровождалось появлением множества исследований о событиях 13 мая 1958 г. и эволюции политики де Голля в Алжире. В последние годы войны публиковались и произведения алжирских авторов. В 70-80-х годах XX в. стали появляться исторические исследования, публиковались автобиографии участников событий, возрос интерес к поиску причин национально-освободительной войны. В 1990-х годах было опубликовано множество документов о событиях 1954–1962 гг. Появились и новые (в том числе совместные алжиро-французские) работы, освещающие разные стороны алжирской войны.
3. Отечественные исследования по истории алжирской войны появляются уже в 1950–1960-х годах. Фундаментальные исследования национально-освободительного движения в Алжире принадлежат в основном Р.Г. Ланде. См.: *Ланда Р.Г.* Кризис колониального режима в Алжире (1931–1954 гг.). М.: Наука, 1980; *Ланда Р.Г.* История алжирской революции (1954–1962 гг.). М.: Наука, 1983; *Ланда Р.Г.* История Алжира. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999, и др.
4. См., например: Karima Lazali. Le trauma colonial. Enquete sur les effets psychiques et politique de l'offense colonial en Algerie. – Koukou Edition, 2018; Chems Eddine Chitour. L'histoire de l'Algerie. De la resilience a la quete de la modernite. – Alger: Chihab Edition, 2018; La guerre de l'Algerie (1954-2004). La fin de l'amnésie / Sous la direction de Mohammed Harbi et Benjamin Stora. – Alger, Chihab Edition, 2004; Ferhat Abbas. L'indépendance confisquée (1962-1978). – Alger, Livres Edition, 2011; Abderrahmane Bouchene, Jean-Pierre Peyroulou, Ouanassa Siari Tengour, Sylvie Thenault. Histoire de l'Algerie a la periode colonial (1830-1962). – Edition La decouverte, 2012; Benjamin Stora. Histoire de l'Algerie depuis l'indépendance (1962-1988). – Alger, Hibr Edition, 2012; Mehenni Akbal. Archives algeriennes de la France colonial. Doit-on en avoir peur? – Alger, Hirb Edition, 2014; Pierre Vidal-Naquet. La torture dans la Republique (1954-1962). – Alger, Hibr Edition, 2012.
5. *Оганисьян Ю.* Абд-аль-Кафир. М.: Молодая гвардия, 1968. С. 32.
6. *Guerid Dj.* L'exception algérienne. La modernisation à l'épreuve de la société. Alger: Casbah Editions, 2007. P. 33.
7. Впоследствии этот историко-религиозный контекст породил в Алжире отношение к исламу как к идеологии освободительного движения, а также создал у целых поколений алжирцев представление о естественности насильственных методов исламского сопротивления европейцам. – *Подцероб А.Б.* Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба. М.: Ин-т востоковедения РАН, Ин-т Ближнего Востока, 2009. С. 39.
8. Это противоречие не раз порождало у европейского населения Алжира сепаратистские тенденции. Многие алжиро-европейцы требовали в 1870 г. создания «Колониального собрания алжирских провинций», которое бы фактически играло роль парламента. Выдвигались и совсем фантастические предложения – например, переподчинить Алжир британскому королевскому дому для успеха дальнейшего развития колонизации.
9. *Ageron Ch.-R.* Les Algériens musulmans et la France (1871–1919). P.: Press universitaires de France, 1968. P. 549.
10. *Ланда Р.Г.* История Алжира. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. С. 17; *Ageron Ch.- R.* Histoire de l'Algérie contemporaine. P.: Presses universitaires de France, 1979. P. 55.
11. *Эгрето М.* Алжирская нация существует. Пер. с франц. М.: Изд-во Ин-та востоковедения, 1958. С. 64
12. Существует несколько этимологических объяснений этого термина: 1) французские офицеры носили высокие черные сапоги; 2) французы, в отличие от большинства алжирцев, вообще носили обувь; 3) колонисты-фермеры босыми ногами отжимали виноград; 4) французские преступники, приговоренные к депортации в Алжир, отправлялись пешими этапами в Марсель; 5) прозвище дано по аналогии с перелетными птицами под названием «ried-noirs», у которых лапки эбенового цвета; 6) возможно, это неточное калькирование выражения *ибн нувар* (араб. сын цветов). Г.Н. Канинская предположила, что это понятие возникло в 30-х годах XX в. в г. Касабланка (Марокко) в качестве самонаименования прозападно настроенных групп молодежи (по аналогии с названиями племен американских индейцев). Затем оно уже в 50-х годах XX в. вошло в употребление для обозначения алжиро-европейцев // *Канинская Г.Н.* Французское общество и алжирская война (1954-1962 гг.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: [>>>>](#) (дата обращения 17.07.2019).
13. *Bourdieu P.* Sociologie de l'Algérie. P.: Presses universitaires de France, 1963. P. 115.
14. *Gordon D.* North Africa's French Legacy: 1954–1962. Cambridge (Mass.): Center for Middle Eastern Studies, Harvard University, 1962. P. 24.
15. «Зеркальное» желание самоопределения в окружающем мире одухотворяло и арабскую историю XIX в. См.: *Орлов В.В.* Самоотождествление в арабском мире: этническое, конфессиональное, национальное // *Нации и национализм на мусульманском Востоке.* М.: Ин-т востоковедения РАН, 2015. С. 148-149.
16. Более полное представление о роли военных можно получить, обратившись к периоду империи. Это действительно была эпоха расцвета «режима сабель», который господствовал не только в Алжире, но и во Франции. Именно Наполеон III, являвшийся воплощением этого режима, одобрял политику «уважения» по отношению к

алжирцам. Он говорил о «полном равенстве» между европейцами и коренным населением и заявлял: «Я в одинаковой мере являюсь императором и арабов и Французов». Он же двумя решениями Сената гарантировал в 1863 г. право собственности племен, а в 1865 г. провозгласил: «Коренной житель - мусульманин является французом» [*Yacono X. Les bureaux arabes et l'évolution des genres de vie indigenes dans l'ouest du Tell algerien / X. Yacono. – Paris: Edition Plon, 1953. – P.61*].

17. *Куропаткин А.* Алжирия: военно-статистический обзор // Военный сборник. 1876. № 3-7. С. 34.

18. *Богданович М.Н.* Алжирія въ новѣйшее время. СПб.: Типографія военно-учебныхъ заведеній, 1849. С. 64.

19. С незначительными поправками, сенатус-консулт 1865 г. сохранил свою силу до вступления в силу Конституции IV Республики (1946 г.), когда все алжирцы формально получили французское гражданство.

20. Постановление о выборах 1848 г. предусматривало участие в муниципальных выборах европейцев-нефранцузов и «туземцев», которые, однако, не могли составлять более 1/2 членов Совета и не допускались на должности мэра и его заместителя. Список кандидатов-мусульман составлялся властями и был единственным для «туземных» избирателей. Но и такой порядок выборов вызывал протесты колонистов, требовавших проведения «подлинно французских выборов» без участия иностранцев и алжирцев-мусульман.

21. *Algérie. Conseil supérieur de gouvernement. Exposé de la situation de l'Algérie. Alger, 1875. P. 12; Statistique générale de l'Algérie. Alger, 1874. P. 81.*

22. *Кулуглу – от кул оглы* (тур. сын [государева] раба, то есть янычара) – традиционное название, принятое в Магрибе для потомков янычар от местных арабских и берберских женщин.

23. *Ageron Ch.-R. Les Algériens musulmans et la France (1871–1919). P.: Presses universitaires de France, 1968. P. 21.*

24. *Богданович М.Н.* Алжирія въ новѣйшее время. СПб.: Типографія военно-учебныхъ заведеній, 1849. С. 57.

25. *Куропаткин А.* Алжирия: военно-статистический обзор // Военный сборник. 1876. № 3-7. С. 125.

26. Там же. С. 69.

27. Так, по сведениям А. Куропаткина, в 1874 г. из военных территорий Алжира в гражданские было переведено 1177324 га с населением в 199817 человек, из которых европейцы составляли чуть более 1% (2525 человек). – *Куропаткин А.* Алжирия: военно-статистический обзор // Военный сборник. 1876. № 3-7. С. 127.

28. См., например, отношение военных властей колонии к деятельности Министерства образования Франции в Алжире: *Turin Y. Affrontements culturels dans l'Algérie coloniale. Écoles, médecines, religion, 1830–1880. 2e éd. Alger: Entreprise National du Livre, 1983. P. 156-195.*

29. *Аяш Ж.* Очерки марокканской истории. Пер. с франц. М.: Прогресс, 1982. С. 83.

30. *Ланда Р.Г.* Проблема европейского меньшинства в Алжире // Арабские страны. История. Сборник статей. М.: Наука, 1963. С. 32.

31. *Ventoumi A. La défense des patriotes. Alger: Éditions Houma, 2007. P. 5.*

32. *Куприн А.И.* Франция и страны Магриба (образование и подготовка кадров). М.: Наука, 1980. С. 17.

33. *Ланда Р.Г.* История алжирской революции (1954–1962 гг.). М.: Наука, 1983. С. 51.

34. *Aussaresses P. The Battle of the Casba. New York: Enigma Books, 2006. P. 47.*

35. *Ланда Р.Г.* История алжирской революции (1954–1962 гг.). М.: Наука, 1983. С. 51.

36. Там же. С. 57.

37. *Видясова М.Ф., Орлов В.В.* Алжир у трех дорог. М.: Садра, 2019. С. 65.

38. В декабре 1958 г. Р. Салан был переведен в Париж, а в 1959 г. занял пост военного губернатора города.

39. Например, в январе 1960 г. в ответ на отзыв из Алжира кумира местных «ультра» генерала Ж. Массю, они захватили несколько кварталов столицы Алжира и окружили их баррикадами (мятеж получил название «недели баррикад»). Восставшие обвинили де Голля в том, что он хочет «продать Алжир, как продал Черную Африку». – *Ланда Р.Г.* История Алжира. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. С. 133.

40. OAS (франц. Organisation de l'armée secrète) была создана в 1961 г. в Мадриде в ходе конспиративного съезда офицеров французской армии, спецслужб и гражданских «ультра», собравшегося в ответ на референдум 8 января 1961 г. о самоопределении Алжира, объявленный Ш. де Голлем. Такое название было выбрано по аналогии с «Секретной армией военных Виши» (АС), существовавшей в годы оккупации Франции гитлеровцами. В качестве символа организация выбрала кельтский крест, а основным методом ее борьбы с правительством Франции стал индивидуальный и массовый террор. Первоначально OAS выступала против предоставления Алжиру

независимости, а после подавления путча 1961 г. – за свержение республиканского строя во Франции. О тайной истории алжирской войны и методах, применяемых ультраколониалистами для удержания своих позиций, см.: *Черкасов П.П.* Агония империи. Политические кризисы, военно-колониалистские путчи и заговоры во Франции в период алжирской войны 1954–1962 гг. М.: Наука, 1979.

41. Le putsch d'avril 1961 // Archive.org [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20071119091522/http://www.ldh-toulon.net/spip.php?article103> (дата обращения 17.07.2019).

42. Это было первое из пятнадцати (по другим данным – из тридцати) террористических покушений ОАС на Ш. де Голля. Их обобщенная история легла в основу известной книги Ф. Форсайта «День Шакала» и снятого по ее мотивам одноименного и остросюжетного фильма Ф. Циммерманна.

43. *Черкасов П.П.* Агония империи. М., 1979. С. 237.

44. Данные обобщены по сведениям, собранным на Archive.org [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20070223040138/http://www.ldh-toulon.net/spip.php?article609#nh1> (дата обращения 17.07.2019).

45. *Ланда Р.Г.* История Алжира. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. С. 138; *Черкасов П.П.* Агония империи. М.: Наука, 1979. С. 239.

46. *Видясова М.Ф., Орлов В.В.* Алжир у трех дорог. М.: Садра, 2019. С. 87.

47. *Ланда Р.Г.* История алжирской революции (1954–1962). – М.: Наука, 1983. – С.187.

48. *Brace R.M.* Morocco, Algeria, Tunisia. The Modern Nations in Historical Perspective. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, Inc., 1964. P. 136

49. Сообщество вернувшихся на родину алжирских французов в настоящее время составляет, по разным оценкам, порядка 3 млн человек. Количество мусульман во Франции в 2017 г. оценивалось в 5–6 млн человек, из которых около 82% являлись выходцами из стран Магриба, а из них 43% алжирские мусульмане. – *Долгов Б.В.* Арабо-мусульманское сообщество во Франции: Исламская идентификация и светская демократия (1980–2016 годы). Отв. ред. Р.Г. Ланда. М.: Ленанд, 2017. С. 8. Иными словами, численность алжирских мусульман во Франции может составлять около 2 млн человек.

50. Первоначальная нетерпимость военно-бюрократической элиты АНДР к французской «мягкой силе» порой доходила до анекдотических ситуаций. Например, при президенте Хуари Бумедьене (1965–1979 гг.) в алжирских университетах были отменены курсы по этнологии, поскольку они, как полагали функционеры ФНО, служили поддержке «берберской пропаганды», которая расценивалась как «проявление иностранного влияния». Этот поразительный аргумент получил новое «подтверждение» в 1967 г., когда в Париже была создана Берберская академия. – *Сапронова М.А.* Этнический фактор в странах Магриба // Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные. Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 93–94.

51. Et ils sont devenus harkis. Éd. par M. Namoumou. 2-ème éd. P.: Éditions Fayard, 2001. P. 249; *Meyer F.* Pour l'honneur, avec les harkis: de 1958 à nos jours. Tours: CLD, 2005. P. 168.

52. Точных данных относительно количества харки, бежавших на другой берег Средиземноморья, не существует, но наиболее распространены оценки от 42 до 88 тыс человек. На 2012 г. общая численность харки и их потомков, проживавших во Франции, оценивалась в 500–800 тыс. человек.

53. Тема харки и смежные с ней сюжеты подробно разбирались в специальном выпуске № 161 журнала «Эспри», вышедшем в свет в мае 1990 г. во Франции (France-Algérie: les blessures de l'histoire. M. Namoumou et al. P.: Esprit, no. 161, mai 1990); см. также: *Ageron Ch.-R.* Le “drame de Harkis”: memoire ou histoire? // Vingtième siècle. Revue d'histoire. 2000. № 68. С. 3–16. – Persee.fr [электронный ресурс] – режим доступа: >>>> (дата обращения: 18.07.2019); *Meliani, Abd-El-Aziz.* Le drame de Harkis. P.: Perren, 2001.

54. Этот закон № 94-488 получил свое название по фамилии французского министра по делам репатрированных лиц в 1993–1995 гг.

55. Loi № 94-488 du 11 juin 1994 // Journal officiel de la Republique Française. № 136. 14 juin 1994. P. 8567.

56. В 2012 г. алжирский еженедельник «Аль-Ватан» провел опрос населения относительно восприятия харки. 84% опрошенных согласились с мнением о том, что «предательство харки прощать не следует». – Algérie: pas de pardon aux harkis // Le Figaro. 28.03.2012 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lefigaro.fr/flash-actu/2012/03/28/97001-20120328_FILWWW00488-algerie-pas-de-pardon-aux-harkis-etude.ph (дата обращения 22.11.2019).

57. См. подробнее: *Долгов Б.В.* Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2017 гг. Отв. ред. Р.Г. Ланда. М.: Ленанд, 2018. С. 123–166.

58. В начале 1990-х гг. европейцы предложили правительствам Магриба «Новую Средиземноморскую политику», а в 2008 г. была создана новая организация – союз для Средиземноморья. – *Мохова И.М., Мохов Н.В.* Реакция Франции на «арабскую весну»: старые ориентиры новой внешней политики // Актуальные проблемы Европы. 2012.

59. Долгов Б.В. Арабо-мусульманское сообщество во Франции: Исламская идентификация и светская демократия (1980–2016 годы). Отв. ред. Р.Г. Ланда. М.: Ленанд, 2017. С. 21-70.

60. *Leboulanger P.* Les «mémoires blessées» de l'Algérie refont surface // *Liberation* 09.02.2018 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [>>>>](#) (дата обращения 18.11.2019)

61. *Канинская Г.Н.* Две войны в зеркале французской истории // *История.рф* [Электронный ресурс] – Режим доступа: [>>>>](#) (дата обращения 16.07.2019)

62. *Видясова М.Ф., Орлов В.В.* Алжир у трех дорог. Отв. ред. В.А. Кузнецов. М.: Садра, 2019. С. 84.

63. *Aussaresses P.* Services spéciaux: Algérie 1955–1957. Mon témoignage sur la torture. P.: Éditions Perrin, 2001.

64. *Werly R.* En Algérie, Emmanuel Macron rouvre la plaie française de la colonisation // *Le Temps*. 16.02.2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [>>>>](#) (дата обращения 21.11.2019)

65. Décret du 31 mars 2003 instituant une Journée nationale d'hommage aux harkis et autres membres des formations supplétives // *Journal officiel de la République Française*. № 78. 2 Avril 2003. P. 5788.

66. *Branche R.* Bilan historiographique de la guerre d'Algérie, des années 2000 à aujourd'hui. P.: Institut de recherche stratégique de l'École militaire, 2011. P. 7.

67. Nicolas Sarkozy reçoit les Harkis à l'Élysée // *Institut National de l'Audiovisuel*. 05.12.2007 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [>>>>](#) (дата обращения 28.11.2019)

68. *Collective Memory: France and the Algerian War*. Lanham (MD): Lexington Books, 2007; *Algeria & France, 1800-2000: Identity, Memory, Nostalgia*. Ed. by P.M.E. Lorcin. Syracuse (N.Y.): Syracuse University Press, 2006 335 p.; *Bucaille L.* Le Pardon et la rancœur: Algérie-France, Afrique du Sud : peut-on enterrer la guerre? P.: Payot, 2010; *Muyl M.* Les Français d'Algérie : socio-histoire d'une identité. Thèse de sciences politiques. Université de Paris-I, 2007; *La France en guerre, 1954-1962. Expériences métropolitaines de la guerre d'indépendance algérienne*. Dir. R. Branche, S. Thénault. P.: Autrement, 2008, 501 p.; *Scioldo-Zürcher Y.* Devenir métropolitain : politique d'intégration et parcours de rapatriés d'Algérie en métropole, 1954-2005. P.: Éd. de l'École des hautes études en sciences sociales, 2010, 461 p.; *Esclangon-Morin V.* Les rapatriés d'Afrique du Nord de 1956 à nos jours. P.: L'Harmattan, 2007, 414 p.; *Les Harkis. Histoire, mémoire, transmission*. Dir. F. Besnaci-Lancou, B. Falaize, G. Manceron. P.: Éd. De l'Atelier, 2010, 222 p.; *Branche R.* La Guerre d'Algérie : une histoire apaisée? P.: Le Seuil, 2005, 445 p.; *Charbit T.* Les Harkis. P.: La Découverte, 2006, 119 p.; *Hautreux F.-X.* L'Armée française et les Supplétifs français pendant la guerre d'Algérie : expérience et enjeux. Thèse de doctorat en Histoire. Université de Paris-X, 2010.

69. *Le Monde*. 21.12.2012.

70. *Балмасов С.С.* Об алжиро-французских трениях по вопросу об интервенции в Ливии // *Институт Ближнего Востока*. 17.02.2015 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [>>>>](#) (дата обращения: 16.07.2019)

71. *Werly R.* Algérie, la blessure française // *Le Temps*. 16.02.2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [>>>>](#) (дата обращения 21.11.2019)

72. Цит. по: *Балмасов С.С.* Президент Франции Э.Макрон пытается радикально улучшить отношения с Алжиром // *Институт Ближнего Востока*. 09.12.2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [>>>>](#) (дата обращения 16.07.2019)

73. *Werly R.* Algérie, la blessure française // *Le Temps*. 16.02.2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [>>>>](#) (дата обращения 21.11.2019)

74. Цит. по: *Werly R.* En Algérie, Emmanuel Macron rouvre la plaie française de la colonisation // *Le Temps*. 16.02.2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [>>>>](#) (дата обращения 21.11.2019)

75. Цит. по: *Leboulanger P.* Les «mémoires blessées» de l'Algérie refont surface // *Liberation* 09.02.2018 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [>>>>](#) (дата обращения 18.11.2019)

76. Un million d'esclaves blancs passés sous silence, et l'Algérie réclame réparation après la colonisation // *Agora Vox. Le média citoyen*. 23.01.2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: [>>>>](#) (дата обращения: 17.07.2019)

77. До 1 июня 2018 г. эта консервативная националистическая партия называлась Национальный фронт. Первоначально возглавлялась Ж.-М. Ле Пенем, основавшим ее в октябре 1972 г., затем его дочерью М. Ле Пен.

78. *Leboulanger P.* Les «mémoires blessées» de l'Algérie refont surface // *Liberation* 09.02.2018 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [>>>>](#) (дата обращения 18.11.2019)

79. Муджараз 8 майу 1945: лам та'тариф Фаранса ба'д би-л-джара'им ал-исти'марийа (Резня 8 мая 1945 г.: Франция еще не признала колониальные преступления) // *Викалат ал-анба'ал-джаза'ирийа (Algérie Presse Service)* 07.05.2018 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [>>>>](#) (дата обращения 04.12.2019)

80. *Муджахиды* – участники вооруженного сопротивления Франции в рядах АНО в 1954–1962 гг.
81. Муджараз 8 майу 1945: лам та‘тариф Фаранса ба‘д би-л-джара‘им ал-исти‘марийа (Резня 8 мая 1945 г.: Франция еще не признала колониальные преступления) // Викалат ал-анба‘ал-джаза‘ирийа (Algérie Presse Service) 07.05.2018 [Электронный ресурс] – Режим доступа: >>>> (дата обращения 04.12.2019)
82. *Werly R.* En Algérie, Emmanuel Macron rouvre la plaie française de la colonisation // *Le Temps*. 16.02.2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: >>>> (дата обращения 21.11.2019)
83. См. подробнее: данные на веб-сайте DipComment.com. 14.05.2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа: >>>> (дата обращения: 17.07.2019)
84. *Branche R.* Bilan historiographique de la guerre d’Algérie, des années 2000 à aujourd’hui. P.: Institut de recherche stratégique de l’École militaire, 2011.
85. Faculty of History. University of Oxford. Centre for Global History [Электронный ресурс] – Режим доступа: >>>> (дата обращения: 02.12.2019); Faculty of History. University of Oxford. European Studies Centre [Электронный ресурс] – Режим доступа: >>>> (дата обращения: 02.12.2019)
86. *Leboulanger P.* Les «mémoires blessées» de l’Algérie refont surface // *Liberation* 09.02.2018 [Электронный ресурс] – Режим доступа: >>>> (дата обращения 18.11.2019)
87. *Laurens H.* Français et arabes depuis deux siècles. La chose franco-arabe. P.: Éditions Tallandier, 2012.
88. *Vatin J.-C.* Popular Puritanism versus State Reformism: Islam in Algeria // *Islam in the Political Process*. Ed. by J.P. Piscatory. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 101.
89. *Coll B.* Des gestes d’apaisement envers les oubliés de l’histoire: les Français d’Algérie // *Huffington Post*. 18.12.2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.huffingtonpost.fr/bernard-coll/histoire-francais-algerie_b_4465773.html (дата обращения 14.07.2019)
90. *Werly R.* Algérie, la blessure française // *Le Temps*. 16.02.2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: >>>> (дата обращения 21.11.2019)
91. С.В. Прожогина – автор многочисленных работ, посвященных анализу арабской и французской литературы, в которых освещаются в том числе вопросы национально-освободительной войны и проблемы национальной идентичности. См., в частности, фундаментальную работу автора «Вошедшие в храм свободы (литературные свидетельства франко-арабов)». М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008.
92. *Zeghidour S.* Sors, la route t’attend. P.: Éditions des Arènes, 2017.
-

“Past Colonial Heritage” in Algerian-French Relationship: Curse of the Past or Hope for the Future?

M. Sapronova

MGIMO University

Russian Federation, Moscow

V. Orlov

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University;

Russian Federation, Moscow

Abstract

The article deals with historical, cultural and psychological factors of mutual influence and mutual repulsion of Algerian and French identity (civil, cultural, ethnical, religious), as they were formulated during long-term and ambiguous period of colonial appropriation of Algeria by France (1830—1962). The typical features of colonial rule system in Algeria and its impact on the traditional society are reviewed, as well as evolution of nature and visible forms of reciprocal claims, typical for Arab-Muslim population of Algeria and the “Algerian Europeans”. The study explores the historical and cultural background of exceptional atrocities, committed by both sides in the course of National Liberation War, 1954—1962. Special attention is paid to the analysis of current issues of franco-algerian relations (problem of penitence for the crimes of colonial epoch, destiny of former colonists and soldiers of Algerian auxiliary troops etc.). The relationship of importance of these problems in the ideological area of both countries, in the sphere of political mobilization and vocabulary of official rhetoric of France and Algeria is also outlined.

Keywords: ethnohistorical consciousness, colonialism, modernization, cultural originality, nationalism, Algeria-France relations

Publication date: 14.12.2020

Citation link:

Orlov V., Sapronova M. “Past Colonial Heritage” in Algerian-French Relationship: Curse of the Past or Hope for the Future? // *ISTORIYA*. 2020. V. 11. Issue 12 (98). Part I [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <https://history.jes.su/s207987840010457-1-1/> (circulation date: 14.12.2020). DOI: 10.18254/S207987840010457-1